

Červeňák, Andrej

A.C. Пушкин в Словакии

Opera Slavica. 1999, vol. 9, iss. 1, pp. 20-27

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/116871>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

А. С. ПУШКИН В СЛОВАКИИ

Андрей Червеняк (Nitra)

О Пушкине как писателе словацкий читатель впервые узнал в 1826 году (из страниц *Истории славянского языка и литературы всех наречий* П. Й. Шафарика), с Пушкиным как писателем он познакомился в 1838 году посредством его баллады *Песнь о вещем Олеге*, напечатанной под названием *Смерть Олега* на страницах журнала *Гронка*. Это значит, что о Пушкине знают в Словакии 172 года, а о его поэзии – 160 лет.

Взаимодействие «поэт – общество» (или общество – поэт) раскрывает разные стороны обоих. Поэт помогает обществу осознать такие уровни его духовного и эстетического бытия, каких оно в своем развитии еще не достигло; общество на своем историко-культурном пути и на подступах к поэту самораскрывается и открывает в нем все новые и новые пласты его поэтической универсальности. Поэт является своего рода лакмусом общества, а общество, в свою очередь, лакмусом поэта (его восприятия).

В представленной статье прослеживаются отдельные этапы восприятия Пушкина и его поэзии в Словакии на протяжении более полутора столетия. Из отношений «воспринимающий – воспринимаемый» предпочтению отдается последнему. Не исключено, что словацкая рецептивная оптика откроет в Пушкине такие качества и ценности его поэтического мира, которые могут иметь наднациональное литературно-историческое значение...

Как свидетельствуют библиографические данные, до 1892 года Пушкина в Словакии переводили, о Пушкине писали, но только на страницах периодической печати. Первое книжное издание Пушкина (*Метель*) вышло в 1892 году. До сегодняшнего дня Пушкин издавался и переиздавался 125 раз. О Пушкине было напечатано свыше 700 статей и 5 самостоятельных монографий. Борьба за поэта выявила несколько образов Пушкина-поэта.

А. Пушкин-просветитель (воспринимаемый просветительской оптикой): это образ поэта подчинен в Словакии славянской идее, которая отвергает его романтизм, эпикурейство, вольнодумство, а выдвигает сам

факт величия поэта (раз его таким считает западноевропейское культурное сознание) и те немногие стихи, которые свидетельствуют об интересе Пушкина к историческому прошлому России, а это значит и славянства (*Песнь о вещем Олеге*, *Полтава* и др.). Воспринимаются предромантические стихотворения (*Романс*, 1814 г.), нагнетающие атмосферу таинственности, Рока, ужасов, вины и виновности перед Природой, Человеком и Богом. Стихотворение *Клеветникам России* станет любимым гимном словацкой интеллигенции позже – его будут печатать в оригинале (но латиникой) и в переводах, читать – в оригинале и переводах – при разных встречах, на торжествах и митингах. Просветительское сознание с доминантной идеей славянской взаимности будет отдавать в Словакии предпочтение Хомякову перед Пушкиным – до 1876 года в Словакии перевели 23 стихотворения Хомякова, а лишь 14 стихов Пушкина. Хомяков – малострунен, но в нем звучит струна славянства, славянской надежды и веры, и поэтому на нее откликаются эхом порабощенные славянские «ветви» великой славянской нации. Пушкин – многострунен, славянская струна в оркестре его поэзии играет служебную роль, поэтому его творчество не находит такого отклика в словацких славянских сердцах. Характеристика Пушкина, данная Шафариком в письме к Коллару («Роскошные плоды разума Батюшкова, Жуковского, Пушкина являются цветами дилетантизма; сад, в котором они расцвели – не является славянским»), стала препятствием на пути к более глубокому пониманию русского поэта в Словакии. Она, как модель рецептивной эстетики, – даст о себе знать еще много раз, но уже с иных идейно-философских позиций. Пушкин – поэт человеческой свободы – с точки зрения просветительского рационализма, предпочитающего свободе чувство долга, не смог донести до словацкого читателя свой концептуальный универсализм.

Б. Пушкин – романтик: словацкие романтики (Штур, Краль, Сладкович) открывали в Пушкине поэта человеческого величия, титанической борьбы за свободу (переводились стихотворения типа *К морю*, *Зимний вечер*, *Дар напрасный*). Не воспринимались байронические стихи (поэтому останется почти незамеченным М. Ю. Лермонтов), отражающие трагические чувства потери, крушения, отчаяния. Из трех типов романтизма – титанического, прагматического и мессианистического – словацкий романтизм находит у Пушкина по преимуществу два последних. Прагматический романтизм стремится противопоставить консервативной прагматике жизни волю к свободе, творчеству и любви. Пушкин является представителем прежде всего этого типа романтизма, о чем свидетельствует

не только его поэзия, но и жизнь. Мессианистический романтизм находят словацкие романтики в некоторых поэмах «индивидуалистической ориентации» (*Кавказский пленник*) и в поэмах «исторической ориентации» (*Полтава*). Объединение этих поэм является попыткой совместить идею романтического подвига с идеей служения Родине (род-у, род-ине, слов, семье, на-род-у). Идея патриотизма проходит красной нитью через целое XIX столетие (словаки не имели своего государства и должны были бороться за элементарные национальные права) и по отношению к Пушкину. Пушкин – великий русский и славянский поэт, будучи романтическим бунтарем, борется за величие и свободу своей Родины. Европейский романтизм (Гейне, Мюссе) противопоставляется русскому романтизму Пушкина, в котором подчеркивается активное отношение к жизни. В романтизме Пушкина борьба за индивидуальность не переходит в индивидуализм, титаническое начало не перерастает в богоборчество, свобода не трансформируется в анархизм. Энергия романтического героя А. С. Пушкина не направлена на отвержение и разрушение, а на освоение и созидание. В этом проявляется не только величие Пушкина, но и сущность русского и славянского духа.

В. Пушкин – парнасист: рождающийся реализм (70-80 годы) отвергает просветительскую и романтическую оболочки (слои) творчества Пушкина и обнаруживает под ними «механику» художественного организма. Оказывается, Пушкин – это артист, наслаждающийся красотой народной песни (переводятся *Черкесская песня из Кавказского пленника*, *Татарская песня из Бахчисарайского фонтана*), красотой молодости (переводится апострофа из честой главы *Евгения Онегина*). В 1880 году писатель, публицист и общественный деятель Ваянский пишет четыре статьи о Пушкине, в которых обращает внимание на такие качества Пушкинской поэзии, как высокая артистичность, парнасизм, ритмико-фонический эксперимент, образная меткость и стилистическая простота. Пушкина и дальше восхваляют как автора *Клеветникам России*, но одновременно пытаются понять очарование его стиха и языка.

Надо заметить, что каждый этап восприятия Пушкина (просветительский, романтический, художественный) рождает в словацкой литературе его последователей, подражателей и эпигонов. В «художественном» периоде восприятия Пушкина в словцкую литературу входят не только его «лишние люди» (поэтесса Подъяворинска), но и принципы строфической организации («онегинская строфа» у поэта Сладковича), метрическое мастерство (у Ваянского) и т. п.

Художественное мастерство Пушкина рассматривается с двух точек зрения: *внешней* (художественные приемы на уровне стиха, строфы, языка, стиля), на которую впоследствии будут ссылаться словацкие сторонники «русской формальной школы» и *внутренней* (депатетизация русского стиха, активное отношение к действительности, создание национальных и общечеловеческих типов), которую будут пропагировать и развивать два корифея словцкой литературы – С. Г. Ваянский и Павол Орсаг Гвиездослав. Переводы Гвиездослава «креативны» (он трансформирует Пушкина в духе своей архаизирующей поэтики), но их внутренняя мера художественности и духовности остается пушкинской. «Креативность» Гвиездослава вытекает из его реалистического мироощущения, которое на первое место ставит первичную художественную онтологию (словацкую действительность) и делает ее трансформатором вторичной художественной онтологии (художественной литературы, Пушкина), как равноценного материала художественного творчества.

Г. Пушкин – модернист: в конце XIX столетия меняется парадигма не только научного мышления (появляются квантовая физика, генетика, теория относительности), но и мышления художественного (кризис миметической концепции искусства, актуализация концепции креативного искусства, символизм как попытка преодоления разрыва между эмпирическим и абсолютным смыслом бытия, человека и мира). Европейский модерн под натиском кардинальных научных, социальных и философских открытий проникается настроением тщетности бытия, русский, наоборот, как-будто приобретает космический разбег – создает концепцию художественного семиоза, теургического искусства, жизнетворчества. Такая художественная оптика открывает у Пушкина аналогичные ценности (переводятся стихотворения типа *Пророк*, *Русалка*, *Анчар* и др., широко отмечается столетие рождения поэта), подчеркивается общечеловеческое значение Пушкина. Анчар – это общезначимый символ жестокости мира и человека. Сказки (переводятся *Руслан и Людмила*, *Сказка о рыбаке и рыбке*) выражают глубинную сущность национального и общечеловеческого бытия. Пушкин развалился от стихотворений прагматического бытия к бытию вневременному, вечному. Он объединял и соединял «концы и начала». Переводчики Пушкина находят семантические эквиваленты, близкие поэтике символизма, публицисты пытаются доказать их инвариантный характер в творчестве Пушкина, поэты (Подъяворинска) воплощают пушкинские ценности в свое видение мира, в котором большое место отводится образу героя, лирическому субъекту как творцу худо-

жественной реальности универсального значения. Пушкин становится катализатором этих устремлений. В его макро- и микрообразности (например, в фонической структуре стиха) слышится шум вселенских, земных и национальных катаклизмов современного мира и человека (приближается первая мировая война, распад Австро-Венгрии, русская Революция 1917) и т. п.

Д. Пушкин-плюралист: В двадцатые годы нашего столетия складывались в Словакии условия (государственные, культурные, литературные), открывающие простор для многочисленных подходов к Пушкину. Из XIX столетия перешли в XX столетие рецептивные оптики – романтическая, парнассистская, модернистическая, к ним присоединилось новое: а) социальная (группа левых писателей, объединенных вокруг журнала *ДАВ*, слов. *Масса*), которая актуализирует в творчестве Пушкина те пласты его поэзии, в которых отвергается несправедливость и жестокость мира с точки зрения рождающегося советского литературоведческого социологизма. Однако, авторитет поэта Новоместского, художника с тонким эстетическим чувством, равно как и наличие иных концепций искусства и Пушкина, не позволили социальной концепции эволюционизировать по направлению к вульгарному социологизму (тот проявил себя только после второй мировой войны). В атмосфере подготовки к юбилею А. С. Пушкина в 1937 году возникают новые концепции жизни и творчества А. С. Пушкина: б) конфессиональная, подчеркивающая духовные начала поэзии русского поэта (эмблематичным является перевод стихотворения *Мадонна* и статьи о личной жизни поэта, объединяющие конфессиональную и биографическую концепции искусства и Пушкина); в) философская, обращающая внимание на вневременные ценности человеческой жизни (проблемы жизни и смерти, добра и зла, вечного и вневременного, которые пытаются актуализировать переводчики – снова *Анчар*, *Узник*, *Эхо*); г) демократическая, обращающая внимание на демократизм жизни (отношение Пушкина к царю, декабристам, цыганам, мужикам, дамам) и демократичность поэзии (народные корни языка, образности, фольклора, мироощущения). Поэт Янко Есенски издает в 1937 году сборник переводов Пушкина, который объединяет и подтверждает сосуществование в Словакии разных концепций жизни и творчества А. С. Пушкина; д) компаративная концепция ставит своей целью раскрыть литературный генезис творчества Пушкина (статьи типа *Мировое значение Пушкина*, статья П. Богатырева *Влияние словацкой поэзии на Пушкина*, Пуш-

кин у словаков, словацкие поэты Сладкович, Ваянский, Гвиездослав, Есенски и Пушкин и т. п.

Следует отметить, что юбилей Пушкина в 1937 году превратился во всенародный праздник. В течение двух лет (1936-1937) словацкие переводчики перевели 19 произведений Пушкина, Янко Есенски перевел 104 стихотворения поэта, словацкие авторы написали о Пушкине 94 статьи, рецензии и заметки. Особую активность проявили русские авторы (эмигранты, проживающие в Словакии) – Петр Богатырев, Николай Георгиевич Граин-Михайловский, Е. Перфецкий, из Парижа Дм. Чижевский, Р. Якобсон и др. Печатались и статьи советских пушкиноведов (Эйхенбаум)... Словацкий читатель имел, таким образом, возможность познакомиться с разными сторонами (ликами, масками) творчества А. С. Пушкина. В общем хоре словацкой пушкинианы довоенных лет звучали разные голоса: славянский (*Клеветникам России*), романтический (*Узник*), конфессиональный (*Пророк*), символический (*Анчар*), социальный (*В Сибирь, Деревня*), компаративистский (*Песни западных славян*), философский (*Три источника*) и другие. Казалось, что сумма всех концепций способна раскрыть образ Пушкина, как человеческой и поэтической универсальности. Однако отсутствие научной толерантности и амбициозность отдельных концепций, приписывающих себе единственно правильную научную компетентность, эту кажущуюся возможность зачеркивало. Из суммы исследовательских концепций не возникал единый образ поэта, а поэт во множестве ликов.

После второй мировой войны плюрализм исследовательских концепций медленно исчезал и его место заняла марксистская концепция искусства и Пушкина. Дал о себе знать и вульгарный социологизм, который нашел место в педагогической практике. Научно-исследовательская и переводческая активность этой участи избежала. В 1982 году выходит первое полное собрание сочинений А. С. Пушкина на словацком языке. Автор вступительной статьи – поэт и один из переводчиков Пушкина Милан Руфус – озглавил ее блоковскими словами: «... веселая фамилия: ПУШКИН». Поэт отвергает пессимистические, дезактивизирующие, декадентные концепции Пушкина, о котором говорит: «эта гармония, способная нести на своих плечах всю арху бытия. А в пути еще и петь»).

В монографии *А. С. Пушкин – человек и поэт* (Мартин, 1991 г.) представлен Пушкин как ренессансная личность. Личные предпосылки (генетические данные, воспитание в семье) и внешние обстоятельства (духовный подъем, возникший в атмосфере борьбы и победы над Напо-

леоном) создали условия, в которых Пушкин стал Петром Первым русской литературы. Синтезируя достижения предшествующих этапов развития русской и мировой культуры и литературы, Пушкин создал новый инвариант русской духовности, жизни и искусства – жизнь как возможность осуществления всего что Бог, Природа и История вложили в человека, жизнь как творчество и сотворчество с Природой такого бытия и человека, в которых бы нашли оптимальные условия развития все задатки положительного роста. Своей жизнью и творчеством Пушкин все это доказал. Способно это доказать и пушкиноведение?

Факты свидетельствуют, что наука о Пушкине оказалась слишком глубоко в атмосфере времени и поэтому на сей день оно неспособно это доказать... Слишком активно ведут себя партикулятивные (редуцированные) концепции искусства и литературы (и в России) – религиозная, христианско-символическая, эсхатологическая, националистическая и другие, которые разрывают Пушкина по частям и абсолютизируют их. Не исключено, что станет модой до тех пор, пока человек и человечество не умиротворятся и не поймут, что не пассивность – а активность, не разрушение – а созидание, не вражда и ненависть – а сотрудничество и любовь, не часть, а целое являются нашей доброй судьбой.

На рубеже веков Пушкин, как ренессансная личность, сияет путеводной звездой не только для русской, но и для мировой литературы, не только для России, но для всего человечества.

Для словаков и Словакии его образ и отношение к поэту воплощены в Литературном музее А. С. Пушкина в Бродзанах, куда приглашаются все люди доброй воли...

Е. Пушкин – бродзанский: в бродзанском замке (пригород обувной мекки Словакии Партизанске), расположенном в объятии величавых лесов, находится зал *Жизнь и творчество А. С. Пушкина*, аппартаменты Александры Гончаровой-Фризенгоф, в которых помещена библиотека Смирдина, портреты семьи Гончаровых, портреты дочери Александры – баронессы Ольденбург, домашний рояль и много предметов, напоминающих Россию, полотняный завод, Москву и семью Пушкиных (Наталью Пушкину и ее детей, которые несколько раз побывали у «тети Александры»). Здесь сосредоточено почти все, что знаем о Пушкине и кем он был для словацкой литературы с 1826 года до наших дней. В Бродзаны приезжали друзья Пушкина (семья Карамзиных, князь Вяземский, генерал Ланской, семья Гончаровых и т. д.), но мы ничего не знаем о том, какой образ Пушкина они сюда привозили и какой увозили. Александра Гонча-

рова была близким человеком Пушкина (профессор Исаченко, утверждает, что была его любовницей), но память о нем в своем замке она ничем не документировала. Перед смертью сожгла свою корреспонденцию, в том числе и переписку с Пушкиным. Почему? Ведь умирающий Пушкин попросил княгиню Вяземскую передать Александре (ей, а не жене Натальи или детям) крестик, который поэт всю жизнь носил на груди. Тайну Александры и Пушкина хранят стены Бродзанского замка, его величественный парк, а также усыпальница, в которой покоится Александра. Память о Пушкине-творце, ренессансной творческой личности, друге барона Фризенгофа и его жены Александры, урожденной Гончаровой, хранит наша радость и гордость – Литературный музей А. С. Пушкина, музей словацко-русских литературных связей с древнейших до сегодняшних времен.

Литература:

1. ШАФАРИК, П. Й.: История славянского языка и литературы всех наречий. Офен 1826.
2. ВАЯНСКИЙ, С. Г.: А. С. Пушкин. Народне новини 1880, № 69, с. 1-4.
3. ВАЯНСКИЙ, С. Г.: А. С. Пушкин 1799-1899. Народне новини 6, с. 1.
4. БОБЕК, В.: Есенски и Пушкин. Пруды 1936. № 9-10, с. 571-577.
5. БОБЕК, В.: Пушкин у словаков. Сб. Словакия и славянство. Братислава 1936, с. 180-187.
6. БОГАТЫРЕВ, П.: Влияние словацкой поэзии на Пушкина. Словенска политика 1937, № 37.
7. МРАЗ, А.: Значение Пушкина в словацкой духовной жизни. Народне новини 1936, № 25-30, 33,34.
8. БРТАНЬ, Р.: Пушкин в словацкой литературе. Мартин 1947.
9. ПАНОВОВА, В.: Пушкин в словацкой поэзии до 1918 года. Братислава 1966.
10. ПОПОВИЧ, А.: Русская литература в Словакии в годы 1836-1875. Братислава 1961.
11. А. С. Пушкин в словацкой печати. Мартин 1989.
12. ЧЕРВЕНЯК, А.: А. С. Пушкин – человек и поэт. Мартин 1991.